

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I

И. А. Булыгин

Церковная реформа Петра I являлась одним из наиболее важных и сложных государственных преобразований, осуществленных в первой четверти XVIII века. Редко можно встретить работу по истории России этого времени, в которой в той или иной форме не затрагивалась бы данная тема.

Общепринятая характеристика существа и значения церковной реформы Петра I сводится к следующему. Главная цель реформы состояла в том, чтобы подчинить церковь абсолютистскому государству, а основным средством, с помощью которого эта цель достигалась, была ликвидация патриаршества и замена его Синодом, то есть реорганизация высшего управления церковью. Все же другие мероприятия, проводившиеся правительством в отношении духовенства, рассматриваются как второстепенные, лишь подготавливавшие или дополнявшие главное преобразование. Такая оценка церковной реформы присуща в той или иной мере почти всей как дореволюционной, так и советской литературе. Так, П. В. Верховский, один из крупнейших авторитетов в дореволюционной историографии по данной проблеме, писал, что «решающим событием церковной реформы Петра было учреждение Духовной коллегии»¹.

В советской исторической науке первой специальной работой о церковной реформе была брошюра А. Дмитриева. Она не содержит каких-либо новых фактов и представляет собой попытку осмыслить известный уже материал с позиций так называемой теории «торгового капитала», получившей широкое распространение в 20—30-х годах. А. Дмитриев пишет, что реформа «имела своей главнейшей целью приспособить церковь к требованиям восторжествовавшего дворянского класса». В соответствии с этим был «перестроен на новых началах и весь церковный аппарат», и из когда-то могущественной феодальной организации церковь была превращена в «простое правительственное учреждение»².

В последующее время вопрос о церковной реформе ставился в обобщающих трудах. Автор соответствующего раздела в «Очерках истории СССР» Б. Г. Слицан считает, что основная цель петровской политики в отношении духовенства состояла в том, чтобы подавить его оппозицию начавшимся преобразованиям, подорвать позиции церкви в государстве и подчинить ее абсолютизму, а для этого, как отлично понимало правительство, необходимо было ликвидировать институт патриаршества. Но прежде чем подорвать политическое влияние церкви, необходимо было лишить ее экономической базы и тем самым поставить в зависимость от светской власти. Решение этой задачи начинается в 1696 г., когда государство ставит под свой контроль бюджет духовенства и проводит некоторые другие мероприятия. Ту же задачу преследовало и восстановление

¹ П. В. Верховский. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ч. I. Ростов-на-Дону. 1916, стр. 685.

² А. Дмитриев. Петр I и церковь. М.-Л. 1931, стр. 87.

пие в 1701 г. Монастырского приказа³ и передача ему управления недвижимым имуществом духовенства. Заключительным актом церковной реформы, по мнению Б. Слициана, была ликвидация в 1721 г. патриаршества и создание подчиненного государству Синода⁴.

Сходная точка зрения излагается и в другом обобщающем труде — «Церковь в истории России». Здесь авторы соответствующей главы также отмечают, что главная цель Петра I состояла в том, чтобы полностью подчинить церковь государственной власти, для чего требовалось прежде всего подчинить правительству такой влиятельнейший церковный институт, как патриаршество. Но осуществить это было нельзя без тщательной подготовки экономического и политического характера, начавшейся еще в предшествующем столетии⁵. Одним из звеньев такой подготовки было изъятие Монастырским приказом у духовенства значительных денежных средств, что должно было не только ослабить крайнюю напряженность государственного бюджета, но и вело к созданию «экономических предпосылок для предстоящей церковной реформы». В целом, по мнению авторов, для создания этих предпосылок потребовалось примерно два десятилетия. Процесс царевича Алексея, пишут они, в котором духовенство оказалось основательно замешанным, «несомненно ускорил проведение церковной реформы. Именно к 1718 г. относится окончательное решение упразднить патриаршество». Тогда же Петр I поручил Феофану Прокоповичу составить Духовный регламент, который лег в основу не только церковной реформы, но и всей последующей деятельности русской православной церкви вплоть до последних дней царизма⁶. В таком же плане, только в более сжатой форме, излагается существо церковной реформы и в «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»⁷.

Недавно была написана вторая в советской историографии специальная работа о церковной реформе Петра I — кандидатская диссертация О. Ф. Козлова. В ней освещена борьба духовенства с церковными преобразованиями Петра I. Автору удалось на основе новых материалов шире осветить эту проблему. Что же касается раскрытия смысла реформы, то здесь О. Ф. Козлов остается на традиционных позициях, сосредоточивая основное внимание на таких сторонах реформы, как реорганизация церковного управления и аппарата, изменение чисто религиозной деятельности церкви⁸.

В соответствии с такой характеристикой целей, содержания и значения церковной реформы велось и ее изучение. Главное внимание уделялось созданию и деятельности Синода⁹. Что же касается мероприятий правительства по отношению к духовенству в первые 20 лет XVIII в., которые, по мнению большинства историков, подготавливали ликвидацию патриаршества и учреждение Синода в 1721 г., то они ни в дореволю-

³ Монастырский приказ существовал в 1650—1675 гг. и был в основном судебным учреждением по гражданским искам на духовенство и подвластных ему лиц.

⁴ Б. Г. Слициан. Реформа церковного управления. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». М. 1954, стр. 371—379.

⁵ Ю. Я. Коган, Е. Ф. Грекулов, В. Ф. Миловидов. Церковь и русский абсолютизм в XVIII в. «Церковь в истории России (IX в.—1917 г.). Критические очерки». М. 1967, стр. 162—163.

⁶ Там же, стр. 166—169, 172.

⁷ Н. И. Павленко. Церковь и государство в первой половине XVIII в. «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. III. М. 1967, стр. 274—278.

⁸ О. Ф. Козлов. Церковная реформа первой четверти XVIII века. М. 1970. Автореф. кандид. дисс., стр. 11—31.

⁹ Н. И. Кедров. Духовный регламент в связи с преобразовательской деятельностью Петра Великого. М. 1886; Т. В. Барсов. Синодальные учреждения прошлого времени. СПб. 1897; С. Г. Рункевич. История русской церкви под управлением Св. Синода. Т. I. Учреждение и первоначальное устройство Св. Пр. Синода (1721—1725). СПб. 1900.

ционной, ни в советской литературе не являлись предметом специального изучения.

Первым, кто в общем плане затронул вопрос об этих мероприятиях, был В. Милютин. В своей книге по истории земельных владений русского духовенства он приводит некоторые правовые акты начала XVIII в., в частности о создании и компетенции Монастырского приказа, и кратко их комментирует¹⁰. Значительно расширил источниковедческую базу данной проблемы М. Горчаков¹¹, который в отличие от своих предшественников использовал не только известный из публикаций законодательный материал, но и большое количество разнообразных источников из фонда Монастырского приказа. Он поставил ряд важных вопросов, связанных с восстановлением в 1701 г. Монастырского приказа: изменение управления церковными вотчинами; выделение на содержание монастырей и архиерейских домов денежной и хлебной дачи и связанное с этим разделение их вотчин на «определенные» и «заопределенные»; величина и характер взимаемых с духовенства в пользу государства сборов, и др. В последующее время только И. Покровский в работах о русских епархиях привел некоторые новые материалы¹².

В литературе мероприятия 1701—1720 гг. рассматривались, с одной стороны, как подготовительные к основному акту церковной реформы, то есть замене патриаршества Синодом, с другой — оценивались как частичная и временная секуляризация владений духовенства. Так, Б. Г. Слищан считает, что «в первый период Северной войны в России была осуществлена частичная и временная секуляризация»¹³. Н. И. Павленко высказывает то же мнение: «Частичная секуляризация церковных имуществ, осуществленная в 1701 г., оказалась временной мерой. В 1720 г. Монастырский приказ был упразднен, а «заопределенные» вотчины возвращены монастырям»¹⁴. О. Ф. Козлов также пишет о том, что «правительство Петра I осуществило частичную секуляризацию церковных земель»¹⁵.

К церковным преобразованиям первой четверти XVIII в. проявляет внимание и зарубежная историография. Так, например, в 1971 г. вышла монография преподавателя истории Иллинойского университета (Чикаго) Дж. Крейкрафта «Церковная реформа Петра Великого». В целом Дж. Крейкрафт остается, по существу, на традиционных позициях, считая, что целью реформы было уничтожение церковной автономии. Однако в ней содержится справедливая мысль о том, что в течение первых 20 лет царствования Петра I его политика в отношении церкви определялась прежде всего потребностями в деньгах и людских ресурсах для ведения войны, а отнюдь не желанием реформировать церковь¹⁶.

Целью настоящей статьи является попытка уточнить хронологические рамки проведения церковной реформы, показать ее экономическую сторону, проследить изменение характера правительственной политики в церковном вопросе на протяжении 90-х годов XVII — первой четверти XVIII века.

Некоторые исследователи относят начало реформы к концу XVII в. и связывают его с мероприятиями правительства в 90-х годах этого сто-

¹⁰ В. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России. СПб. 1862, стр. 509—527.

¹¹ М. Горчаков. Монастырский приказ (1650—1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб. 1868, стр. 121—246.

¹² И. М. Покровский. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Казань. 1906; его же. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань. 1907.

¹³ Б. Г. Слищан. Указ. соч., стр. 376.

¹⁴ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 276

¹⁵ О. Ф. Козлов. Указ. соч., стр. 13.

¹⁶ G. S. Graft. The Church Reform of the Peter Great. Stanford. 1971.

летия. Однако такая датировка начала церковной реформы представляется недостаточно обоснованной. Если рассмотреть основные направления правительственной политики Петра I по отношению к церкви в первые годы его правления (1689—1700 гг.), то выясняется, что они носили еще традиционный характер, то есть продолжали политику предшествующего времени. В XVI—XVII вв. сложилось три таких направления: стремление государства ограничить рост земельных владений церкви, сократить ее финансовые и другие привилегии и использовать денежные и иные богатства духовенства путем займов или в форме чрезвычайных налогов. И по всем этим направлениям никаких существенных изменений в правительственной политике 90-х годов XVII в. не наблюдается.

В это время продолжали действовать законоположения, установленные Соборным Уложением 1649 г., по которым духовенству запрещалось покупать земли, принимать их в заклад или на помин души¹⁷. В духе этих положений проводил свою политику и Петр I. Так, 18 февраля 1696 г. он отказал сибирскому митрополиту Игнатию в просьбе заменить ругу (помощь хлебом и деньгами) землей, населенной крестьянами¹⁸. В плане этой же политики надо рассматривать и указ от 18 апреля 1698 г. о запрещении строить новые монастыри в г. Енисейске и Енисейском уезде¹⁹.

О втором направлении правительственной политики свидетельствует ряд указов и постановлений. Закон от 11 октября 1699 г. отменял привилегии духовенства и других владельцев, освобождавшие их от уплаты печатных пошлин и подтверждал прежние акты об отмене жалованных тарханных грамот²⁰. 15 июня 1700 г. издается специальный общий указ, которым отменялись все тарханные жалованные грамоты, освобождавшие от различных пошлин²¹. В эти же годы многие монастыри лишаются права сбора торговых пошлин с товаров, которые продавались на ярмарках, находившихся в их владениях²². Указ 3 февраля 1700 г. ликвидировал откупа у всего духовенства по сбору торговых пошлин²³.

Довольно отчетливо прослеживается и третье традиционное направление в правительственной политике этого времени — использование денежных средств духовенства в виде безвозвратных займов. Всего за пять лет, с 1694 по 1699 гг., Троице-Сергиев монастырь дал Петру I в виде займов 127 тыс. руб., что по тем временам составляло огромную сумму²⁴. Ростовский архиерейский дом пожертвовал на нужды казны с 1692 г. по 1700 г. 15 тыс. рублей²⁵. В 1700 г. воронежский епископ Митрофан в ответ на просьбу Петра I послал ему 4 тыс. рублей. Рязанский архиерейский дом также жертвовал деньги и хлеб, правда, в меньших размерах²⁶.

Но в действиях Петра I в это время были и новые моменты. В первую очередь следует назвать указы 1696—1697 гг., которыми правительство требовало от монастырей и архиерейских домов присылать в Приказ Большой казны приходо-расходные ведомости о своих денежных и хлебных доходах и запрещало без его разрешения производить строительство церквей, келий и других сооружений²⁷. Именно эти указы неко-

¹⁷ Соборное Уложение, гл. XVII, стр. 42.

¹⁸ ПСЗ. Т. III, № 1541, стр. 234—235.

¹⁹ Там же, № 1629, стр. 450.

²⁰ Там же, № 1711, стр. 656—665.

²¹ Там же, Т. IV, № 1799, стр. 59.

²² Там же. Т. III, № 1721, стр. 672; № 1725, стр. 672; № 1733, стр. 679; т. IV, № 1762, стр. 13.

²³ Там же. Т. IV, № 1750, стр. 5.

²⁴ А. В. Горский. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевой лавры. Ч. I. М. 1879, стр. 141—142.

²⁵ И. М. Покровский. Средства и штаты..., стр. 42—43.

²⁶ Там же, стр. 42, 44.

²⁷ «Акты археографической экспедиции», Т. IV. СПб. 1836, стр. 466—467; ПСЗ. Т. III, № 1613, стр. 425.

торые историки считают началом церковной реформы²⁸. Однако данные указы не производили каких-либо коренных изменений в положении церкви; кроме того, неизвестно, как они проводились в жизнь и вообще применялись ли на практике. Думается, что истинное значение этих мероприятий заключается в другом. Они свидетельствуют о стремлении Петра I выяснить реальные размеры богатств духовенства. По-видимому, это была подготовка к более решительному наступлению на церковь, к изъятию ее богатств в пользу государства.

Можно предположить, что в это же время в высших правительственных кругах происходило обсуждение и более радикальных планов в отношении церкви и ее владений. Материалы, которые бы прямо отражали разработку таких планов, до нас не дошли. Вероятно, обсуждение этих вопросов велось неофициально, закрыто и, возможно, даже не фиксировалось в документах. Имеются лишь косвенные, но достаточно убедительные свидетельства о существовании подобных планов и проектов. Об этом говорят известные предложения знаменитого прибыльщика А. А. Курбатова относительно церкви, сделанные им в письме к Петру I сразу же после смерти патриарха Адриана. Последний умер 16 октября 1700 г., а уже 25 октября Курбатов написал и отправил свое письмо, в котором отмечал, что ввиду болезни патриарха духовные дела оказались в большом расстройстве, и просил Петра I активно вмешаться, чтобы привести их в порядок. А. А. Курбатов советовал провести следующие мероприятия: чтобы легче было все устроить, с избранием нового патриарха нужно повременить; для временного управления духовными делами назначить одного из архиереев с четырьмя учеными монахами, а на должность эту хорош был бы холмогорский архиепископ Афанасий; все архиерейские и монастырские вотчины пересмотреть и описать; после переписи отдать церковные имения в управление «особливого расправного приказа», в особенности денежные сборы, отчего будет собираться большая казна, которая ныне погибает по прихотям владельцев; во главе этого приказа нужно поставить людей «добрых», а именно боярина И. А. Мусина-Пушкина или стольника Д. П. Протасова²⁹.

Как видим, А. А. Курбатов предлагал провести весьма радикальные меры по отношению к церковным владениям; по существу, это была целая программа их секуляризации. Содержание письма вызывает ряд вопросов: мог ли Курбатов всего за несколько дней, прошедших после смерти Адриана, выработать такую программу? Только ли его, Курбатова, точку зрения она отражала? Один ли он участвовал в составлении этой программы? Представляется, что на все эти вопросы нужно дать отрицательный ответ. План, изложенный в письме, слишком серьезен и обширен, чтобы он мог появиться на пустом, если можно так выразиться, месте. Несомненно, он складывался постепенно, на протяжении ряда лет. Между прочим, в письме имеется и прямое свидетельство того, что дело обстояло именно так. А. А. Курбатов упоминает о своем «первом послании» Петру I, в котором он уже предлагал произвести описание церковных вотчин и передать их «в охранение» особого «расправного» приказа. Неизвестно, что из себя представляло это первое послание и когда оно было написано. Но важно, что оно было послано раньше рассматриваемого письма, а предложения, изложенные в нем, вошли в письмо от 25 октября 1700 года.

Вряд ли можно сомневаться и в том, что планы А. А. Курбатова не были плодом только его личных раздумий; можно предполагать, что такие же мысли или подобные им высказывались и другими государственными деятелями того времени. А. А. Курбатов, вероятно, лишь обобщил

²⁸ См. Б. Г. Слицан. Указ. соч., стр. 373; Ю. А. Коган, Е. Ф. Грекуло, В. Ф. Миловидов. Указ. соч., стр. 163—164.

²⁹ Письмо А. Курбатова излагается по книге П. В. Верховского «Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент», стр. 111—112.

и конкретизировал их. В пользу этого говорят следующие факты. С письмами о смерти патриарха Адриана к Петру (который в это время находился с армией под Нарвой) кроме А. А. Курбатова обращается сразу же несколько человек: начальник Преображенского приказа князь Ф. Ю. Ромодановский, начальник Приказа Большого дворца боярин Т. Н. Стрешнев и думный дьяк, известный дипломат П. Б. Возницын. Причем все они пишут 18 октября 1700 г., то есть даже раньше А. А. Курбатова, сразу же после похорон Адриана. Следовательно, церковные дела и в особенности положение, возникшее в связи со смертью патриарха, волновали многих приближенных Петра, а не одного только Курбатова.

Но эти письма важны не только как свидетельство большого интереса, проявляемого государственными деятелями к состоянию церкви. Еще более существенно то, что в них имеются высказывания, сходные с предложениями А. А. Курбатова. Особенно показательны в этом отношении письмо П. Б. Возницына. Его предложения изложены лишь в более общей форме, чем у Курбатова. Очень интересная деталь содержится в письме Т. Н. Стрешнева. Он спрашивает царя, кому из архиереев везать теперь соборной церковью, а «преж сего изволение твое было везать колмогорскому владыке, только по него не послано, изволишь ли послать?»³⁰. Из этих слов видно, что вопрос о духовном управлении в связи с возможной кончиной большого патриарха уже обсуждался и в нем участвовал сам Петр, который даже принял некоторые предварительные решения (в частности, о холмогорском архиепископе Афанасии). Поэтому, по-видимому, А. А. Курбатов не случайно предложил назначить Афанасия временным управителем общероссийскими духовными делами.

Еще один момент. Вряд ли А. А. Курбатов стал бы предлагать Петру столь радикальный проект (ведь его могли обвинить и в антирелигиозных действиях со всеми вытекающими отсюда последствиями), если бы не был уверен в благосклонном отношении царя к высказанным предположениям. Вероятно, Петр I еще до письма был хорошо осведомлен о различных идеях по реорганизации церкви и отнесся к ним положительно. Об этом свидетельствует и тот факт, что он принял все наиболее важные рекомендации А. А. Курбатова и почти сразу же, спустя два-три месяца после получения его письма, начал их практическое осуществление. Думается, что этого не было бы, если бы Петр уже раньше не убедился в необходимости коренной реформы управления и хозяйства церкви. В свое время С. М. Соловьев высказал предположение, что «мысль Курбатова отложить избрание патриарха не могла не понравиться Петру, если только эта мысль не была уже прежде у Петра»³¹. Приведенные факты позволяют думать, что раньше письма А. А. Курбатова у Петра появилась не только эта мысль, но созрели планы и других, еще более решительных преобразований в области церковной жизни.

Все сказанное выше о взаимоотношениях правительства и духовенства в 90-е годы XVII в. приводит к заключению, что в этом десятилетии проводилась лишь подготовка к церковным преобразованиям. Она выражалась в обсуждении положения церковных дел и выработке различных проектов преобразования церкви.

Необходимо остановиться еще на одном событии, которое непосредственно предшествовало началу церковной реформы. Речь идет о замещении освободившегося после смерти патриарха Адриана места временного главы русской церкви. Именным указом 16 декабря 1700 г. рязанский митрополит Стефан Яворский назначается местоблюстителем патриаршего престола³². Сам по себе этот факт не представлял ничего

³⁰ См. П. В. Верховский. Указ. соч., стр. 109—110.

³¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. XIII (тома 15—16). М. 1962, стр. 89—90.

³² ПСЗ. Т. IV, № 1818, стр. 87—88.

необычного. В связи с этим нельзя согласиться с мнением Б. Г. Слицана, будто должность местоблюстителя патриаршего престола была «новой» и специально «учрежденной» для данного случая³³. Во время междупатриаршества (после смерти патриарха или по удалении его с кафедры и до вступления на нее нового лица) обязанности патриарха всегда исполнял местоблюститель патриаршего престола, назначаемый царским указом. Новое и необычное на сей раз заключалось в другом. Вопреки традиции, установившейся в XVII в., когда местоблюстителем обычно назначали митрополита Крутицкого³⁴, им стал другой человек, малоизвестный среди высшего духовенства. Еще в начале 1700 г. Стефан Яворский был простым игуменом украинского Никольского монастыря. В марте 1700 г. он был поставлен Петром I митрополитом на Рязани и менее чем через год занял место главы всей русской православной церкви.

Но еще более существенным было то, что вновь назначенному местоблюстителю патриаршего престола было поручено только духовное управление; о хозяйственных делах в указе умалчивалось, но практически они изымались из ведения местоблюстителя, что также противоречило всей предшествующей практике и традициям. Этим же указом ликвидировался один из важнейших органов патриаршего управления — Патриарший разряд, а дела, которые в нем рассматривались по челобитьям мирских людей на духовенство и духовенства на мирских людей, предписывалось разослать и решать в тех приказах, в которых были ведомы мирские чины³⁵. Тем самым местоблюститель патриаршего престола лишался также и судебной власти по светским, мирским делам. Все эти необычные обстоятельства, которыми сопровождалось назначение Стефана Яворского местоблюстителем патриаршего престола, свидетельствовали о том, что в церковных делах намечались важные перемены.

Перейдем к рассмотрению непосредственно самой церковной реформы. Выше уже говорилось, что те исследователи, которые сводили все дело к ликвидации патриаршества и учреждению Синода в 1721 г., ограничивали предшествующий, так называемый подготовительный этап временем с конца XVII в. до 1720 года. Однако такая периодизация реформы представляется спорной. По нашему мнению, реформа охватывает период с 1701 по 1725 г., который, в свою очередь, делится на четыре этапа. На первом этапе (1701—1705 гг.) была произведена фактически полная секуляризация церковных имений и богатств; во время второго (1705—1720 гг.) изменяется первоначальный план проведения реформы: правительство отказывается от полной секуляризации и переходит к частичной секуляризации духовных вотчин; на третьем (1720—1721 гг.) происходит закрытие Монастырского приказа, ликвидация патриаршества и учреждение Синода; во время четвертого этапа (1722—1725 гг.) правительство пытается разработать и ввести строго определенные штаты для всех церковных учреждений и владельцев.

Остановимся подробнее на каждом из этапов. Мероприятия с 1701 по 1705 гг. имеют большое значение для понимания сущности всех церковных преобразований. Реформа началась именным указом Петра I от 24 января 1701 г., в котором говорилось: «Дом святейшего патриарха, и дома же архиерейские, и монастырские дела ведать боярину Ивану Алексеичу Мусину-Пушкину, а с ним у тех дел быть дьяку Ефиму Зотову; и сидеть на патриаршем дворе в палатах, где был Патриарший разряд, и писать Монастырским приказом. А в Приказе Большого двorca монастырских дел не ведать и прежние дела отослать в тот Приказ»³⁶.

³³ Б. Г. Слицан. Указ. соч., стр. 373.

³⁴ М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (1988—1738 гг.). СПб. 1871, стр. 349—350.

³⁵ ПСЗ. Т. IV, № 1818, стр. 86—88.

³⁶ Там же, № 1829, стр. 133.

Таким образом, для руководства духовенством создавалось чисто светское, во главе с боярином государственное учреждение — Монастырский приказ. Правда, функции и права его определялись пока еще в общей форме; он должен был «ведать», то есть в первую очередь управлять, церковными делами. Но одна из сторон деятельности Монастырского приказа уже и в этом указе отмечена довольно ясно: он должен был принимать и разбирать все дела и иски разных чинов людей на духовных лиц, монастырских стряпчих, слуг и крестьян; духовенство же и крестьяне свои челобитные на лиц светского звания должны были подавать в те приказы, где кто из мирских людей был судим.

Спустя неделю, 31 января 1701 г., издается новый указ, который развивал предыдущий³⁷. В нем более четко определялись общие задачи и сфера деятельности Монастырского приказа, а также предписывалось проведение ряда конкретных мероприятий по управлению церковными делами. Патриаршие, архиерейские и монастырские вотчины всего государства и их население, в том числе приказные служители, патриаршие дворяне, монастырские слуги и крестьяне, должны были «ведаться» Монастырским приказом, а «в иных приказах не ведать». Тем самым Монастырский приказ наделялся исключительными правами в области административного управления церковными вотчинами и их населением. В отличие от многих других приказов того времени компетенция Монастырского приказа распространялась на всю территорию страны, и в его функции не имели права вмешиваться другие государственные учреждения. Одновременно ему предоставлялось право производить «всякие сборы» с населения церковных владений, то есть приказ наделялся финансово-хозяйственными функциями. Здесь же подтверждались его судебные права, данные предыдущим указом; он должен был ведать жителей духовных вотчин «судом и расправою». Таким образом, Монастырский приказ наделялся административной, финансово-хозяйственной и судебной властью, то есть он становился, за исключением духовных дел, полновластным хозяином всех церковных вотчин и их населения.

Конкретные мероприятия, которые предписывалось провести, сводились к следующему. Главным из них являлась перепись патриарших, архиерейских и монастырских вотчин и угодий, которую должен был осуществить Монастырский приказ. Перепись церковных вотчин нужна была правительству для того, чтобы узнать истинные размеры церковных владений и их доходы. Видимо, распоряжения 1696—1697 гг. о присылке духовенством прихода-расходных ведомостей денег и хлеба не дали желаемых результатов, и правительство не имело ясного представления по этому важному вопросу. Кроме того, данные переписи вообще нужны были Монастырскому приказу, чтобы знать величину и пределы своего ведомства. Помимо требования о проведении переписи, в указе содержатся важные указания о монастырской жизни и поведении монахов. Предписывалось выслать из монастырей всех живших там мирских людей (дьячков, чтецов, певчих и др.). Монахам запрещалось переходить из одного монастыря в другой и писать в кельях, а следовательно, и держать в них бумагу и чернила; писать можно было в случае особой необходимости («аще нужды ради каковы») только с разрешения начальства, лишь в определенном месте (в трапезной) и при этом «явно, а не тайно»³⁸. Таким образом, указ 31 января 1701 г. имел большое значение в становлении новой системы управления церковными владениями.

В последующие месяцы этого же года издается еще ряд постановлений практического порядка, которые показывают, как духовенство постепенно устранялось от управления своими имениями, а Монастырский

³⁷ Там же, № 1834, стр. 139—140.

³⁸ Данное указание, очевидно, было связано с появлением и распространением антиправительственной литературы.

приказ, наоборот, все более забирая это управление в свои руки. В его ведение переходит Печатный двор, а в селах для управления вместо посельских старцев из духовенства назначаются приказчики из мирских лиц, приказ должен был произвести переобработку церковных оброчных статей (мельниц, рыбных ловль и т. д.) и др.³⁹

30 декабря 1701 г. издается еще один именной указ, который как бы завершал все предшествующее законодательство о новой системе управления церковными владениями. В нем говорилось, чтобы монастырям «вотчинами и никакими угодьями не владеть», то есть об изъятии у них земельных владений. Все доходы с монастырских имений должны были собираться в Монастырский приказ. Из них на содержание монахам следовало отпускать 10 руб. денег и 10 чtv. хлеба в год на человека, а остальные средства оставались в распоряжении приказа. Однако содержание выдавалось монахам только тех монастырей, у которых доходы превышали расходы на установленную дачу. В тех же монастырях, где доходов не будет хватать на выдачу полного оклада, монахам давать столько же, как и «прежде сего» (то есть меньше положенного по указу)⁴⁰. Для третьей группы монастырей, владеющих совсем небольшими вотчинами, доходами с которых «прокормить монахов невозможно» и которым до этого давалась государством руга, предлагалось продолжать выдавать эту помощь в размерах «без чего по самой нужде быть невозможно», очевидно, уже в значительно меньших по сравнению с окладным⁴¹.

Суть всего, что содержалось и провозглашалось в законодательных актах первого года церковной реформы, сводится к следующему. Во-первых, все управление патриаршими, архиерейскими и монастырскими вотчинами и их населением переходило в руки Монастырского приказа, то есть государственного учреждения. Во-вторых, Монастырский приказ получил право сбора и полного распоряжения всеми вотчинными доходами с церковных имений. Следовательно, в 1701 г. была произведена фактически полная секуляризация церковных владений и имуществ. Вопрос о лишении духовенства права владеть землей и крестьянами в рассмотренном законодательстве не поднимался, то есть юридически вотчины остались принадлежащими духовенству. Но это право превратилось в чистую фикцию, так как управление вотчинами и распоряжение доходами с них перешли к государству, а церковные крестьяне фактически стали государственными крестьянами.

Были ли проведены в жизнь принципы, провозглашенные в начале реформы? Имеющийся материал позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Организуется разветвленная и довольно стройная система управления церковными владениями. Высшим государственным органом управления ими стал, как уже говорилось, Монастырский приказ во главе с боярином, графом И. А. Мусиным-Пушкиным. Для непосредственного руководства вотчинами в составе приказа было организовано 16 повытий, возглавлявшихся подьячими; по ним были расписаны все архиерейские кафедры, монастыри, а также Патриаршая область⁴².

Но Монастырский приказ не мог руководить столь обширным ведомством. Поэтому наряду с ним создаются местные монастырские приказы во главе со стольниками. Ведению местных приказов подлежали церковные владения нескольких соседних уездов, центром становился один из уездных городов. Например, в Суздале находился стольник И. М. Кологривов, который управлял имениями Суздальского, Владимирского, Юрьев-Польского, Шуйского и Лухского уездов⁴³. В Устюге Великом был

³⁹ ПСЗ. Т. IV, № 1839, стр. 159—160; № 1856, стр. 168; № 1876, стр. 176.

⁴⁰ Там же, № 1886, стр. 181—182.

⁴¹ Там же.

⁴² М. Горчаков. Монастырский приказ, стр. 129—133.

⁴³ Г. И. Слесарчук. Хозяйство и крестьяне суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII в. Канд. дисс. М. 1955, стр. 26.

стольник А. Вешняков, в Твери — стольник В. Воейков⁴⁴. Именным указом от 24 июня 1702 г. всем приказам предписывалось о всяких делах, связанных с архиерейскими и монастырскими крестьянами, посылать свои грамоты «в города стольникам, в которых городах кому, по его великого государя указу, для управления монастырей и архиерейских и монастырских вотчин быть велено», а к «воеводам о вышепоказанном ни о чем своих великого государя грамот не посылать»⁴⁵. Таким образом, на местах представители Монастырского приказа становились полновластными хозяевами церковных вотчин. Низшую ступень управления составляли приказчики, которые непосредственно руководили селами и деревнями. Они были и раньше в церковных вотчинах, но над ними стояли еще сельские старцы из монахов. Теперь сельские старцы устранялись, и все управление сосредоточивалось в руках приказчиков, которые подчинялись местным приказам и центральному Монастырскому приказу.

Местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский был отстранен от участия в хозяйственных делах Патриаршей области, и управление ею целиком перешло в ведение Монастырского приказа. Для въезда С. Яворского в патриаршие имения требовалось специальное разрешение царя. Из патриаршей казны или кладовых он не мог ничего получить без разрешения начальника Монастырского приказа. Так, 27 апреля 1702 г. И. А. Мусин-Пушкин издает приказ: «Преосвященному Стефану, митрополиту муромскому и рязанскому, с патриарша двора из домовых погребов отпустить 5 ведер вина церковного астраханского и о том к чашному послать память»⁴⁶. Непосредственное управление патриаршими вотчинами осуществлял Патриарший дворцовый приказ, находившийся в подчинении Монастырского приказа.

Монастырский приказ успешно реализовал и другое предоставленное ему право — сбор и распоряжение доходами с церковных имений. Как свидетельствуют источники, архиерейские дома и монастыри были полностью лишены своих доходов и даже сравнительно небольшие суммы из них не могли истратить без разрешения царя и Монастырского приказа. Так, например, один из виднейших церковных иерархов того времени, казанский митрополит Тихон, задумал построить для своих приездов дворы в Симбирске и Чебоксарах, на что требовалось 200 рублей. Однако истратить эти деньги без «великого государя указу и без грамот из Монастырского приказу» он «не смел». В декабре 1702 г. Тихон обращается к Петру I с просьбой: «Вели, государь, в Казани из вашей, великого государя, казны на то дворовое строение держать и о том дать вашу, великого государя, из Монастырского приказу грамоту»⁴⁷. Весьма показательно, что деньги, которые еще совсем недавно были его собственной домовою казною, Тихон называет уже «великого государя казною». В январе следующего 1703 г. И. А. Мусин-Пушкин «слушал» челобитную Тихона и приказал выдать из архиерейской казны деньги на строительство, если «без тех дворов быть невозможно», предупредив при этом, чтобы «излишнего без указу ничего не строить»⁴⁸. Подобных примеров можно было бы привести немало.

В 1701—1705 гг. наблюдалось еще и третье существенное изменение (наряду с управлением имениями и распоряжением церковными доходами): к государству перешло право распоряжения духовными вотчинами вплоть до их отчуждения. Прямого постановления об этом в законодательстве тех лет нет. Возможно, оно подразумевалось, то есть входило

⁴⁴ М. Горчаков. Монастырский приказ. Приложения документов Монастырского приказа, № 13, стр. 13; № 27, стр. 21.

⁴⁵ ПСЗ. Т. IV, № 1914, стр. 197.

⁴⁶ М. Горчаков. О земельных владениях. Приложение II, № 66, стр. 139—140.

⁴⁷ М. Горчаков. Монастырский приказ. Приложения документов Монастырского приказа, № 14, стр. 13—14.

⁴⁸ Там же.

ло в само понятие права государственных учреждений «ведать» духовными вотчинами; не исключено, что это право родилось уже в процессе осуществления реформы, когда правительство пришло к мысли, что оно может полностью распоряжаться не только доходами духовенства, но и всеми его владениями, в том числе крестьянами. Уже в 1701—1704 гг. было роздано в «вечное владение», продано и отдано в оброк различным лицам боле 222 дворов монастырских крестьян, несколько пустошей и мельниц. В это же время правительством был приписан к Олонецкой верфи и к различным городам 1521 двор патриарших крестьян и бобылей⁴⁹. Таким образом, в эти годы у церкви было изъято около 1800 крестьянских дворов и большое количество ненаселенных земель. Наконец, в 1704 г. у духовенства были отобраны в казну все рыбные ловли и мельницы, доходы с которых составляли огромную по тому времени сумму в 54 тыс. рублей⁵⁰.

Таковы некоторые данные о проведении церковной реформы 1701—1705 годов. Они дают основание говорить о том, что основная цель, которую ставил Петр, приступая к реформе, заключалась в том, чтобы изъять у церкви ее огромные богатства и использовать их для нужд государства. Нельзя не учитывать, что реформа началась вскоре после поражения под Нарвой, когда правительство испытывало острый недостаток в денежных средствах. Уже в первый год своего существования (в 1701 г.) Монастырский приказ получил с духовных вотчин более 50 тыс. руб. дохода⁵¹.

Считать, что главной задачей реформы с самого начала являлось стремление к полному политическому подчинению церкви государству и ликвидации патриаршества, представляется неправомерным. Небезынтересно привести по этому вопросу мнение С. М. Соловьева, который писал: «Мы не считаем себя вправе думать, что мысль о совершенном уничтожении патриаршества уже созрела в Петре в 1700 году, всего вероятнее, что она достигла той зрелости с течением времени, когда от отсутствия патриарха не чувствовалось никакого неудобства, когда коллегиальная форма признана была лучшею по всем частям управления, когда, наконец, дело царевича Алексея возбудило в душе Петра сильные сомнения насчет сочувствия большинства высшего духовенства к новому порядку»⁵². П. В. Верховский считает, что мысль об учреждении Духовной коллегии (а следовательно, и об уничтожении патриаршества.— И. Б.) пришла Петру только в конце 1718 г. и была «неожиданной и новой для него»⁵³.

Однако это не значит, что у Петра не было и других целей и соображений в начальный период проведения церковной реформы. Он понимал, что секуляризация духовных владений даст ему не только материальные средства, но и поставит церковь в большую зависимость от государства, чем это было раньше, и тем самым в значительной мере лишит ее политической самостоятельности. В первых мероприятиях церковной реформы отчетливо проступает и стремление упорядочить, привести в большее соответствие с церковными канонами жизнь духовенства, особенно монахов, о неблагоприятном поведении которых немало говорилось и писалось в то время.

⁴⁹ «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода». Т. III. СПб. 1878, приложение XXVII; М. Горчаков. О земельных владениях. Приложение II, стр. 159—163.

⁵⁰ ПСЗ. Т. IV, № 1956, стр. 232—240; № 1959, стр. 240—241; «Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода». Т. III, ч. 2, № 794/20, стр. 30—32.

⁵¹ П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905, стр. 580—581.

⁵² С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 91.

⁵³ П. В. Верховский. Указ. соч., стр. 155.

На втором этапе церковной реформы (1705—1720 гг.) наиболее важным был период с 1705 по 1710 год. В это время происходит сокращение общего объема ведомства Монастырского приказа. В начале реформы в его ведении находились церковные владения всей страны. Теперь же из его подчинения изымались Новгородская, Псковская, Киевская, Астраханская и Сибирская епархии⁵⁴. Это произошло не позднее 1710 г., а вероятнее всего, в 1705 г., который являлся во многом переломным в ходе реформы.

Каковы причины изъятия из сферы церковных преобразований пяти епархиальных областей? Главная из них, очевидно, состояла в том, что монастыри в названных епархиях в подавляющем большинстве были маловотчинными и имели небольшие доходы, которых едва хватало только для обеспечения собственных монастырских нужд. Даже некоторые архиерейские дома (например, Астраханский и Сибирский) не могли обойтись без поддержки государства в виде руги⁵⁵. От таких монастырей правительство не могло получить каких-либо доходов, и ему не было смысла оставлять управление ими в своих руках. По-видимому, сыграло свою роль и то обстоятельство, что все эти епархии были окраинными, точнее, пограничными областями. Более того, три из них — Новгородская, Псковская и Киевская — стали прифронтовыми, и на их территории шли военные действия. В этих условиях правительство Петра I было заинтересовано в помощи и поддержке духовенства данных епархий. К тому же население прифронтовых районов, в том числе и церковные крестьяне, и так несло большие тяготы, чем население внутренних областей. Возможно, имели место и другие соображения. Так, в отношении Киевской епархии нельзя было игнорировать тот факт, что она лишь в конце XVII в. перешла в подчинение российского патриарха и еще стремилась отстоять свою самостоятельность. Поэтому окончательно отнимать у местного духовенства вотчины значило бы еще более обострить и осложнить отношения с ним.

Все сказанное выше, по-видимому, может объяснить, почему правительство Петра I пошло на такой серьезный шаг, как отступление от своего первоначального плана проведения церковной реформы и изъятия из ведения Монастырского приказа пяти епархий. В ведении Монастырского приказа в это время остались Патриаршая область и 15 епархий — Ростовская, Суздальская, Крутицкая, Коломенская, Смоленская, Нижегородская, Белгородская, Вологодская, Тверская, Вятская, Холмогорская, Рязанская, Казанская, Устюжская и Воронежская. В них имелось 14 тыс. монахов (здесь и далее цифры округлены), 6 тыс. монастырских и архиерейских служителей и 107 тыс. крестьянских дворов. Общий доход церковных владельцев составлял более 132 тыс. руб. денег, около 33 тыс. чत्व. оброчного хлеба и более 27 тыс. дес. засеваемой на них пашни⁵⁶.

В это же время происходит и второе важное изменение в проведении реформы. В 1705 г. в названных 15 епархиях имущества маловотчинных монастырей возвращаются их владельцам, то есть изымаются из непосредственного управления Монастырского приказа, и таким образом сфера его ведомства еще более сокращается. Причина этого шага указана в самом постановлении: потому что у таких монастырей «нималого прибытка учинить не из чего»⁵⁷, то есть никакого дохода с них казна не может получить. Думается, что приведенная выдержка раскрывает

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 248, д. 762, л. 669 об.

⁵⁵ И. М. Покровский. Средства и штаты..., стр. 50—51. Приложение, стр. 46—47.

⁵⁶ Приведенные данные взяты из ведомости Синода за 1723 г., но они относятся к более раннему времени (указывается, что ведомость составлялась по документам самого Монастырского приказа — ЦГАДА, ф. 248, д. 769, л. 667). Ведомость не учитывала населения и доходы собственно Патриаршего дома, так что объем ведомства Монастырского приказа фактически был больше.

и главную цель начавшейся реформы — овладеть церковными богатствами.

Третье важное изменение произошло в сфере распоряжения доходами церкви и содержания духовенства. Если раньше Монастырский приказ через своих представителей сам собирал все доходы с вотчин и выдавал монастырям и архиерейским домам установленную окладную дачу на их содержание, то теперь вводится новая система. Из общей суммы доходов владельцу выделялось определенное содержание (в виде денег, оброчного хлеба и десятинной пашни), а оставшаяся часть доходов (тоже в форме денег, оброчного хлеба и десятинной пашни) поступала в распоряжение Монастырского приказа. В соответствии с этим и все вотчины каждого монастыря и архиерейского дома делились на две части: одна часть вотчин, доходы с которой шли на содержание владельцев, переходила в их непосредственное управление, то есть возвращались им (эти вотчины получили название «определенных»); другая часть вотчин, доходы с которой поступали в Монастырский приказ, оставалась в управлении приказа (эти вотчины стали называть «заопределенными»). Произошло (как это называется в источниках того времени) определение монастырей и архиерейских домов, точнее, определение их содержанием. Таким образом, сфера деятельности Монастырского приказа еще более сузилась, в его непосредственном управлении остались только «заопределенные» вотчины. Определение началось не позднее 1706 г. и было закончено в основном к 1710 году.

Факт определения церковных владельцев известен давно, однако он до сих пор оставался, по существу, неисследованным. Не было даже выяснено количество определенных владельцев, какие монастыри и архиерейские дома были определены, что было оставлено им на содержание, какая часть доходов изымалась в казну и т. д.

Всего было определено 11 и 15 подведомственных Монастырскому приказу архиерейских домов, именно: Крутицкий, Ростовский, Тверской, Коломенский, Суздальский, Вологодский, Смоленский, Белгородский, Нижегородский, Вятский и Холмогорский. Вместе с ними было определено также 60 монастырей: московские — Новоспасский, Симонов, Чудов, Высокопетровский, Знаменский, Богоявленский, Андроньевский, Даниловский, Донской и Вознесенский девичий; подмосковные — Воскресенский на Истре, Николо-Угрешский, Звенигородский, Савво-Сторожевский, Пафнутьев-Боровский, Дмитровский, Борисоглебский и Иосифо-Волоколамский; переяславские — Горицкий, Никитский и Данилов; костромские — Ипатьев и Богоявленский; владимирский Рождественский; суздальские — Спасо-Евфимьев и Покровский девичий; шуйский Николаевский Шартомский; галичские — Паисин и Макарьев на Унже; вяземский Предтечев; ростовский — Богоявленский Авраамиев, Борисоглебский и Спасский на Песку; ярославские — Спасский, Толгский и Афанасьевский; угличские — Покровский, Алексеевский, Воскресенский, Николаевский Улейменский, Петровский на Поле и Богоявленский Островский; Троицкий Калязин; вологодские — Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный, Павловский, Николаевский Озерский, Иннокентьевский и Спасо-Муромский; смоленский Троицкий: рязанские — Богословский, Спасский, Духов и Солотчинский; муромские — Борисоглебский, Николаевский Рядовицкий, Троицкий на устье р. Павловки и Прохорова Пустынь; нижегородский Печерский; свияжский Богородицкий; вятский Успенский Трифонов и устюжский Николаевский Коряжемский.

Почти все архиерейские дома и монастыри, попавшие в определение, являлись крупными владельцами. По нашим подсчетам, им принадлежало около 72 тыс. дворов крестьян, то есть почти половина общего количества монастырских крестьян в стране. Их общий доход составлял

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 9, отдел II, кн. 5, лл. 514—514 об.

более 90 тыс. руб. денег, 13 тыс. чtv. оброчного хлеба и 15 тыс. дес. барской (десятинной) пашни. Из этого числа на содержание владельцев было опеределено свыше 41 тыс. руб. денег, 10 тыс. чtv. оброчного хлеба и 11 тыс. дес. пашни, а оставшая часть доходов около 49 тыс. руб. денег, 3 тыс. чtv. оброчного хлеба и 4 тыс. дес. десятинной пашни перешли в казну⁵⁸. Так прошло определение церковных владельцев. Остальные монастыри и архиерейские дома не попали в определение, и их вотчины были возвращены им в управление.

Таковы важнейшие изменения, которые произошли в 1705—1710 гг. и сохранились вплоть до 1720 года. Если оценить общую направленность данного этапа, то оказывается, что правительство Петра I отступило от своего уже фактически осуществленного плана полной секуляризации церковных вотчин и крестьян и перешло на позиции неполной, частичной секуляризации. Основная причина этого изменения заключается, очевидно, в том, что, проведя в 1701—1704 гг. описание монастырских вотчин и узнав реальные доходы церкви, правительство увидело, что многие монастыри не могут дать казне никакого дохода, и поэтому пришло к мысли, что гораздо проще и менее обременительно для него взять в свое управление лишь те вотчины, доходы с которых прибыльны, возвратив остальные их прежним владельцам.

Третий этап реформы охватывает 1720—1721 гг. и связан с ликвидацией патриаршества и учреждением Синода. Он лучше всего изучен в литературе, поэтому остановимся на нем коротко. Только в это время правительство поставило перед собой задачу полного подчинения церкви путем реорганизации ее высшего управления и передачи его государственному учреждению (подготовка к этому, как уже отмечалось, началась в 1718 г.). Эта задача и была решена путем создания в феврале 1721 г. Синода. Очевидно, в плане подготовки этого важного акта нужно рассматривать ликвидацию в 1720 г. Монастырского приказа и передачу управления «заопределенными» вотчинами в руки их прежних владельцев. Однако те доходы, которые прежде взимались с «заопределенных» вотчин в Монастырский приказ, по-прежнему должны были поступать в казну. Отметим, что такое положение сохранилось вплоть до 1764 г., то есть до окончательной секуляризации церковных владений. Поэтому из факта передачи управления всеми вотчинами их владельцам в связи с ликвидацией Монастырского приказа неправомерно делать вывод, что частичная секуляризация носила временный характер. Наиболее существенным признаком такой секуляризации является изъятие доходов, а оно продолжалось и дальше.

Отметим еще один существенный момент, связанный с учреждением Синода. На протяжении первых 20 лет проведения реформы в управлении церковью существовало двоевластие. Духовными вопросами ведал местоблюститель патриаршего престола, а всеми хозяйственными делами — Монастырский приказ. Теперь это двоевластие было ликвидировано, и управление церковью по всем вопросам было сосредоточено в Синоде.

Рассмотрение церковной реформы заканчивалось обычно 1721 г., то есть учреждением Синода. Однако в последнее время Т. С. Майковой было высказано мнение, что реформа этим не ограничивалась⁵⁹. Данная точка зрения представляется справедливой, так как реформа продолжалась в 1722—1725 гг., которые составляют особый, четвертый ее этап. Наиболее существенной в это время была попытка правительства ввести штаты церковных владельцев и учреждений, а также намерение Петра I

⁵⁸ Там же, ф. 248, д. 769, лл. 769—793; ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 13, д. 152, лл. 1—14.

⁵⁹ Т. Майкова. Петр I и православная церковь. «Наука и религия», 1972, № 7, стр. 46.

изменить функции и компетенцию Синода. Но это тема специальная, требующая отдельного рассмотрения.

Каковы же общие итоги и результаты церковной реформы? Наиболее распространенным является мнение, что в конце петровского правления церковь была полностью подчинена самодержавию, стала его служанкой⁶⁰. Такая оценка представляется не совсем верной. Достаточно вспомнить открытое и резкое выступление вице-президента Синода, новгородского архиепископа Феодосия Яновского после смерти Петра I против его преобразований, активное участие высшего духовенства в борьбе, связанной с воцарением Анны Ивановны, и другие факты, которые свидетельствуют, что церковь, в частности ее высшие иерархи, не смирилась с реформой и вела борьбу за возвращение к прежним порядкам. Думается, что полной и беспрекословной служанкой царизма церковь стала лишь после окончательной секуляризации ее владений в 1764 году. Церковная реформа проводилась в общем русле внутренних преобразований Петра I, направленных на решение стоявших перед страной задач и укрепление абсолютистского государства.

Что касается сущности и содержания церковной реформы, проведенной в первой четверти XVIII в., то ее нельзя сводить только к реорганизации высшего церковного управления, ликвидации патриаршества и замене его государственным учреждением, Синодом. История ее более сложна и богата и состоит из нескольких этапов.

Существенное значение имело изменение экономического положения церкви. Преобразования в этой области важны для понимания не только церковной политики Петра I. Они имеют большое значение и для изучения истории монастырских крестьян, положение которых в ходе церковной реформы коренным образом менялось, поскольку вначале вся их масса, а затем значительная часть превратилась в государственных крестьян.

⁶⁰ Б. Г. Слицан. Указ соч., стр. 378; Ю. Я. Коган, Е. Ф. Грекулов, В. Ф. Миловидов. Указ. соч., стр. 156; Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 277—278.